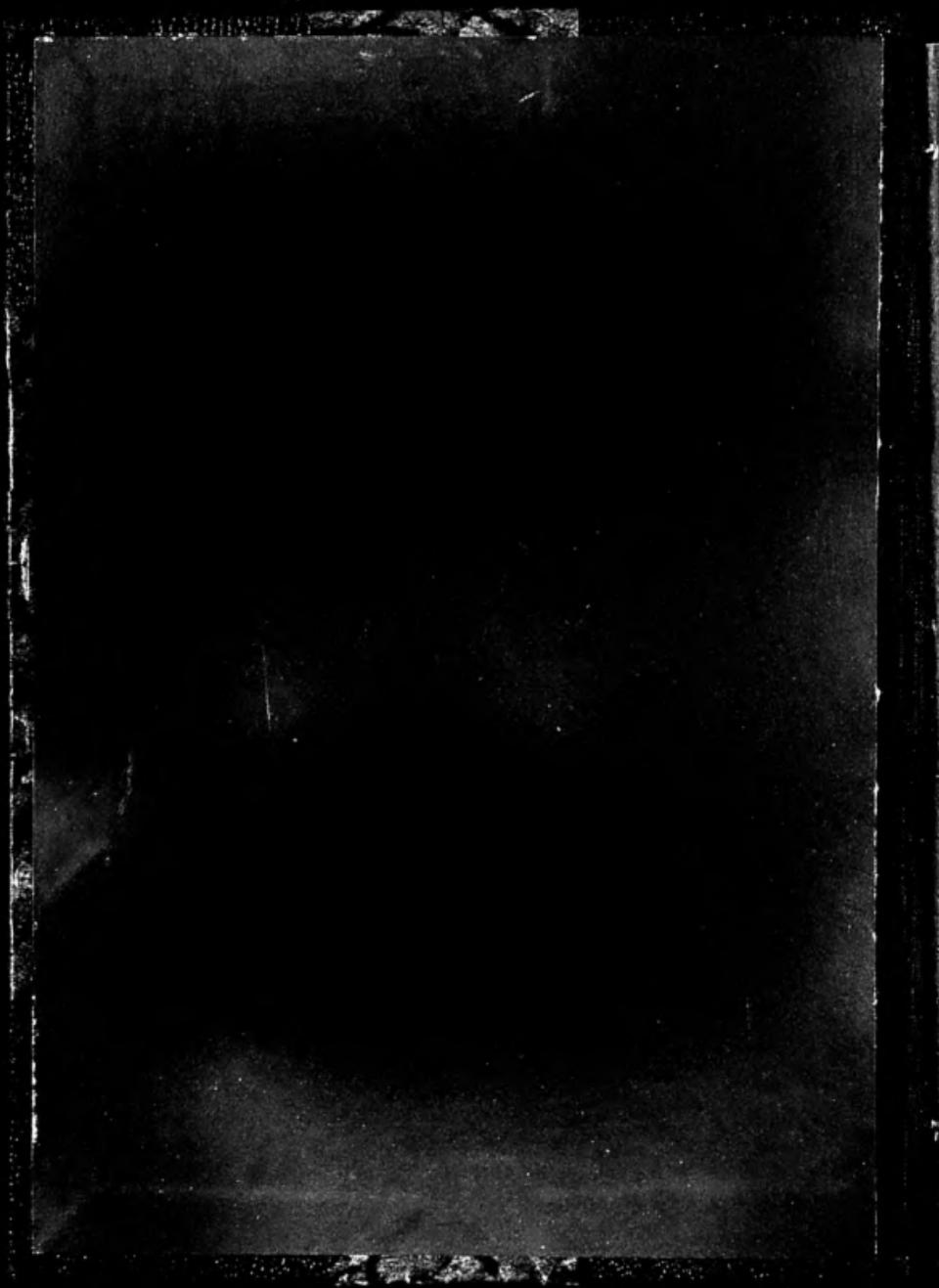
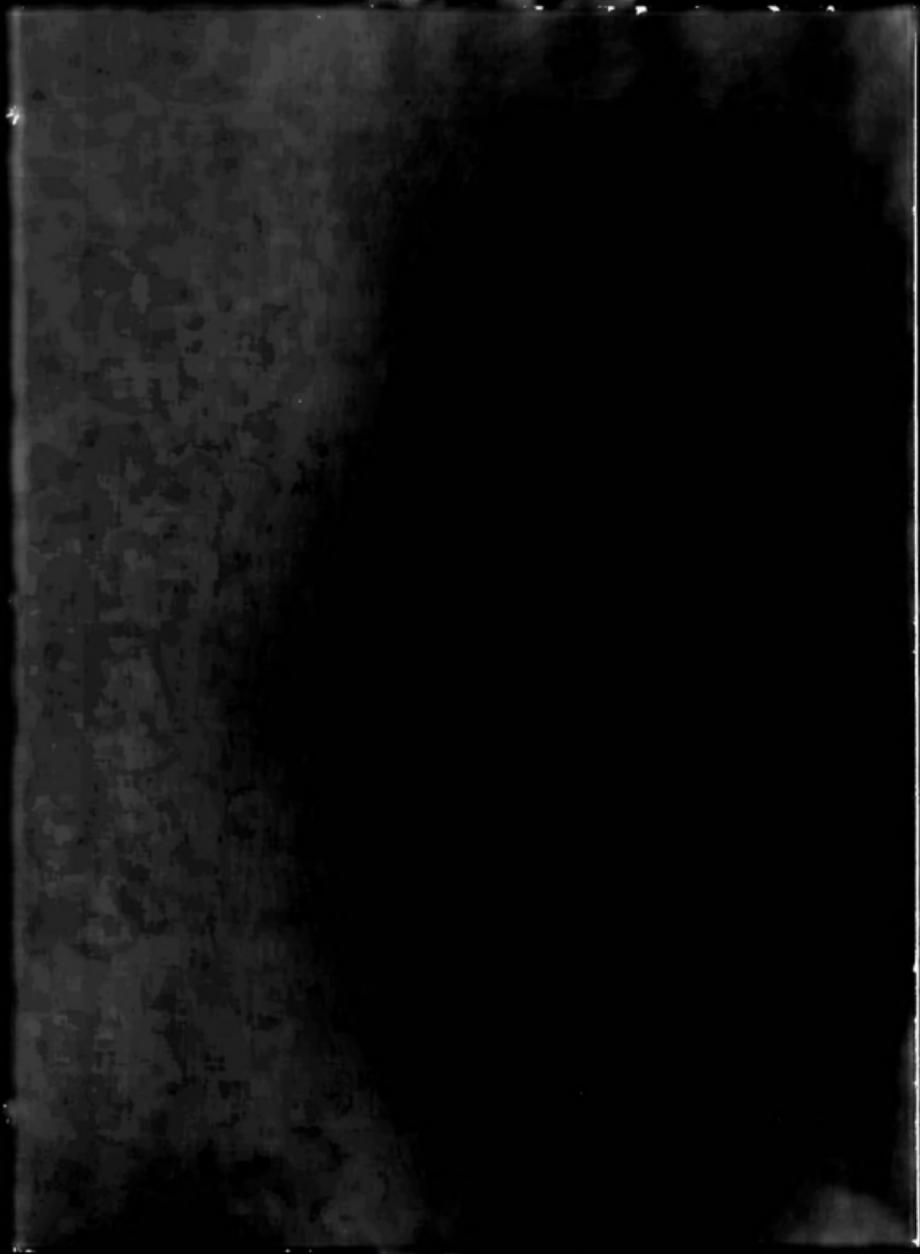
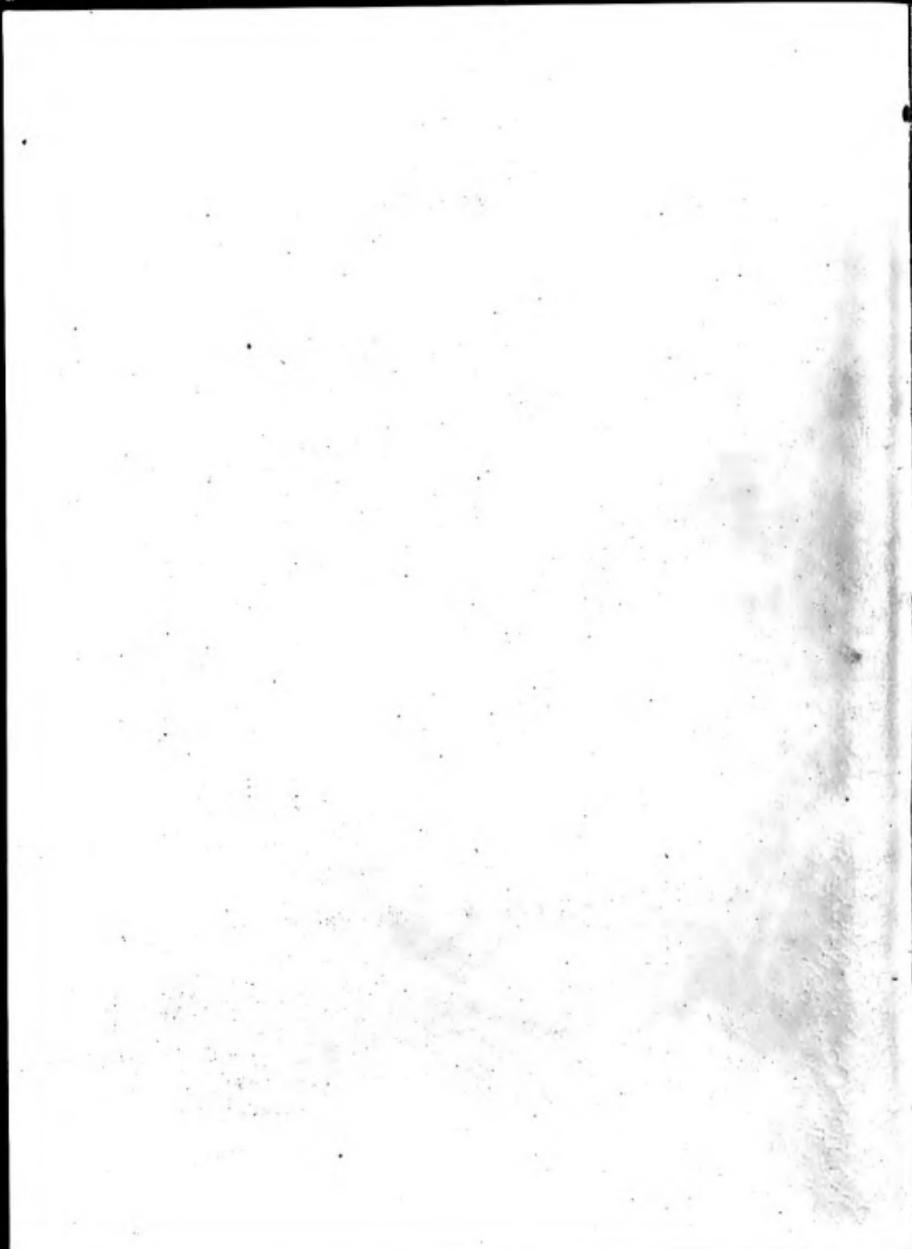

Проложенный
ЛОСЮЖОМЪМЪ

Г Л А В П О Л И Т П Р О С В Е Т

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171

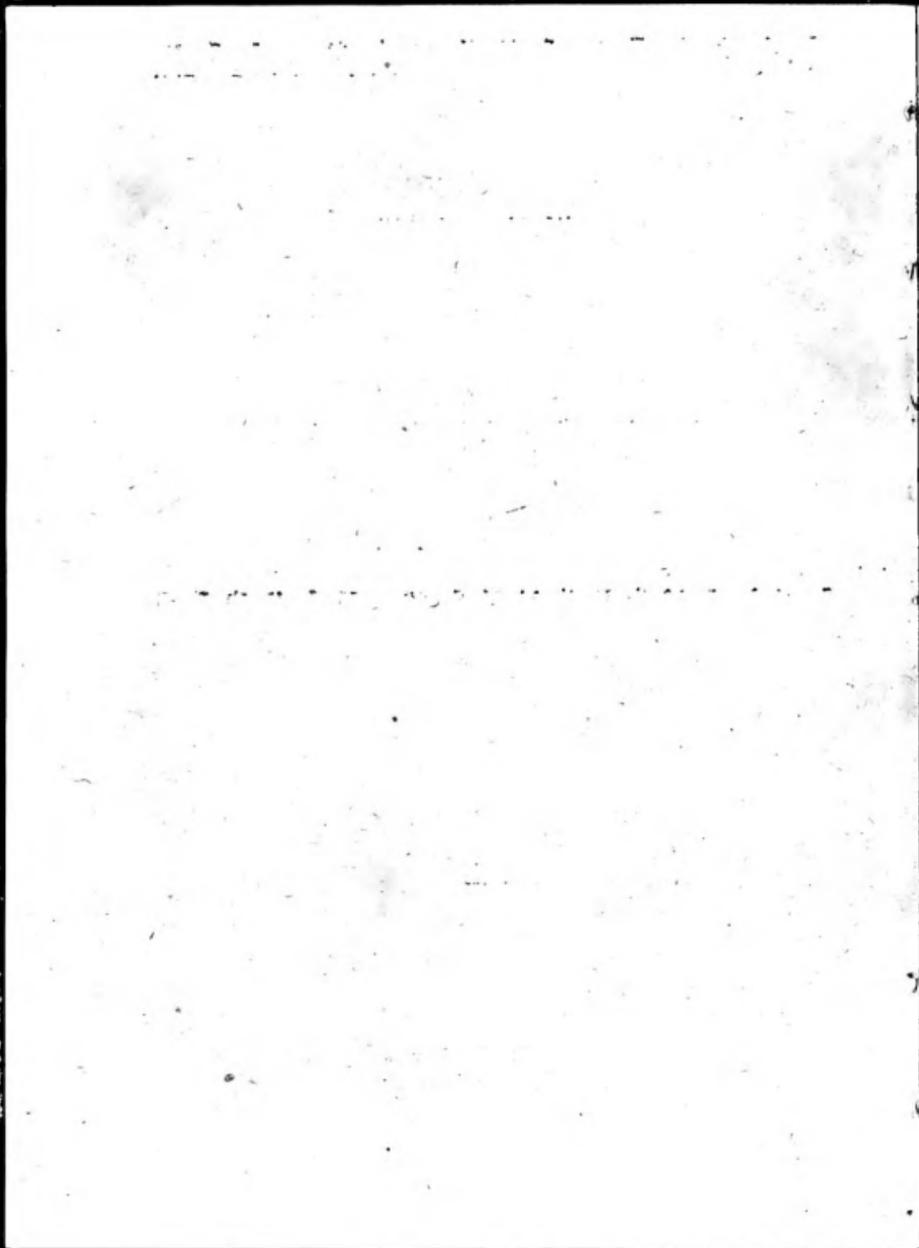
Л 413

ЛЕНИНИЗМ
И
БИБЛИОТЕЧНАЯ РАБОТА

Библиотека
Института В. И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ НОВЬ“
МОСКВА. 1924

Л. ТРОЦКИЙ

ЕК 171

Л 413

2201
3201

ЛЕНИНИЗМ

и

БИБЛИОТЕЧНАЯ РАБОТА

(Речь на 1-ом всесоюзном съезде библиоте-
карей 3/VII—1924 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
Главполитпросвет. Москва. 1924

1615 3201

Библиотека
Института В. И. Ленина

ЕНИИ
Л 413

Библиотека

Института Ленина

при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(~~№ 6767~~)
~~1926~~

~~с 90~~
~~12047~~

~~2935~~
~~36~~ с 1.

1062532

5-я ТИПОГРАФИ
„ТРАНСПЕЧАТИ“ НКПС
Южный пер., д. № 4.
Тираж 300.00 экземпляров.
Главлит № 23999.

Т р о ц к и й. (Бурные аплодисменты). Тт., позвольте прежде всего приветствовать ваш съезд, как первый советский съезд работников библиотечного дела. Съезд этот, созванный Главполитпросветом, имеет для нашей страны совсем особое значение. Библиотекарь у нас,—это знает всякий, кто читал сказанное по этому вопросу Владимиром Ильичем,—библиотекарь у нас не есть чиновник от книги, а библиотекарь есть, должен быть, должен стать культурным борцом, красноармейцем социалистической культуры. Именно такой съезд воинов социалистической культуры я и приветствую от всей души. (Аплодисменты).

Товарищи, едва начав, я уже дважды или трижды употребил слово «культура». Что же это такое к у л ь т у р а? Культура есть совокупность знания и умения,—всего знания и всего умения, накопленного человечеством за всю свою предшествовавшую историю. Знание для умения! Знание всего того, что нас окружает, для того, чтобы уметь изменить то, что нас окружает,—изменить в интересах человека. Разумеется, существуют на свете определения науки и культуры совсем другие, идеалистические, отвлеченные, высокопарные, насквозь лживые, связанные с «вечными истинами» и прочей мишурой. Все это мы отмечаем. Мы приемлем конкретно-историческое, материалистическое определение культуры, которому нас учит марксизм-ленинизм. Культура есть сочетание умения и знания историче-

ского человечества (народов, классов). Знание вырастает из практики человека, из его борьбы с силами природы; знание служит для улучшения этой практики, для расширения способов борьбы со всякими препятствиями, для повышения могущества человека. Если мы так оценим понятие культуры, то нам легче будет уразуметь, что такое ленинизм. Ибо ленинизм есть то же знание и умение — и тоже знание не для знания, а для умения. В этом смысле, и не только в этом, ленинизм является выводом и высшим увенчанием всей предшествующей культуры человека. Ленинизм есть знание того (и умение), как культуру, т.-е. все накопленное в предшествующие века знание и умение, повернуть в интересах трудящихся масс. Вот что такое в основе своей ленинизм. У человечества есть огромные завоевания во всех областях. Если б не было их, нельзя было бы и говорить о коммунизме. Самым основным из этих завоеваний является техника — опять таки знание и умение, направленные для непосредственной борьбы с силами природы, для подчинения их человеку. На основе техники вырастают классы, государство, право, наука, искусство, философия и проч., и проч. — целая иерархия приемов и методов знания и умения. Многие из этих областей и методов культуры полезны человеку вообще, поскольку они подчиняют ему природу. Но есть среди знаний и умений такие, — и их не мало, — которые полезны только эксплуататорскому классу, т.-е. имеют совершенно специальную цель: поддерживать эксплуатацию, украшать ее, прикрывать, маскировать, — и, следовательно, должны быть отброшены в дальнейшем развитии челове-

ства. В частности, мы отмечаем, как я уже сказал, идеалистически-высокопарное, полурелигиозное истолкование культуры, которое также вырастает из классового господства и служит для прикрытия того факта, что культура составляет монополию имущих, служит, в первую голову, для услаждения господствующего класса. Ленинизм состоит в смело-революционном и в то же время глубоко деловом подходе к культуре: он учит рабочий класс выделять из гигантских накоплений культуры то, что рабочему классу нужнее всего сегодня для его социального освобождения и для переустройства общества на новых началах. Ленинизм есть знание строения общества и его развития и умение ориентироваться в исторической обстановке каждого данного часа, дабы правильно и умело, как можно глубже, воздействовать на среду, на общественную жизнь в интересах пролетарской революции — в странах капитализма, в интересах социалистического строительства — у нас. Такова сущность ленинизма. Эту сущность должен понять и претворить в себе каждый учитель, каждый рабочий, каждый ликвидатор неграмотности, каждый библиотекарь, если они хотят быть не просто чиновниками советского государства, а сознательными работниками культуры, которые должны с книгой, статьей, газетой проникать все глубже и глубже в массы, как уголек с киркой проникает во все более и более глубокие пласты угля.

В этом смысле надо сказать, что всякая работа, которую мы сейчас выполняем в области хозяйства и просвещения, как бы частична эта работа ни была,

может и должна входить в рамки ленинского метода ориентировки в данных условиях и ленинского метода воздействия на эти условия. Основная задача нашего государства, в котором у власти стоит рабочий класс, поддерживаемый всем, что есть сознательно-мыслящего среди нашего многомиллионного крестьянства, заключается в использовании всех завоеваний культуры для материального и духовного подъема масс. Наша страна представляет собой ныне государственно-организованный ленинизм. Это первый такого рода гигантский опыт в истории, совершаемый не кружковым путем, не в подполье, как нам приходилось бороться в свое время, не в виде революционных партий, борющихся за власть, как это сейчас происходит в капиталистических странах, а в виде государственной организации, применяющей метод марксизма-ленинизма для того, чтобы использовать всю накопленную культуру в целях переустройства общества на социалистических основах.

Когда мы это государство под руководством Владимира Ильича создавали и общими усилиями создали вчерне, то тут мы только впервые прощупали настоящим образом, насколько мы отстали, насколько мы мало культурны. И элементарнейшие культурные задачи встали перед нами во всем своем объеме и во всей своей конкретности.

Можно спросить, — меня об этом недавно спрашивали, — чем же объяснить, что в нашей культурно-отсталой стране коммунистическая партия управляет государством, тогда как в высококультурных странах, как например, в Англии, она представляет пока еще очень слабую величину. На

вопрос этот я ответил в другом докладе, который надеюсь вскоре опубликовать. Здесь скажу лишь самое необходимое. При поверхностном, беглом взгляде на вопрос может получиться то впечатление, что коммунизм как будто находится в обратно пропорциональном отношении к культурному уровню страны, т.-е., чем выше культурный уровень, тем слабее коммунизм, и наоборот. Конечно, если бы этот вывод был верен, то он означал бы смертный приговор для коммунизма, ибо коммунизм неприемлемо враждебен толстовскому и всякому иному отрицанию культуры: его судьба целиком связана с судьбой культуры. «Вот вопрос, который мучит нас»,—писала мне учительница, и можно понять психологию интеллигента, подходящего постепенно, с сомнениями и колебаниями, к коммунизму и мучающегося вопросом о взаимоотношении между коммунизмом и культурой. Но и здесь, товарищи, именно ленинизм, т.-е. теоретическое обобщение и практический метод того же коммунизма, дает нам ключ к пониманию этого противоречия. Почему мы раньше овладели властью в России, мы, коммунисты? Потому, что имели более слабого врага—буржуазию. Чем она была слаба? Она была не так богата и не так культурна, как английская буржуазия, располагающая гигантскими накоплениями, и денежными, и культурными, а также гигантским опытом обработки и политического подчинения народных масс, что дало ей возможность надолго, как указывает опыт, задерживать классовое пробуждение и политическое самоопределение пролетариата. Если мы оказались временно,—а мы ока-

задись, это можно признать и без комчванства, — дальновиднее, крепче, умнее рабочих партий передовых стран, то не своим только российским умом, а опытом рабочего класса всего мира, обобщенным теорией марксизма, теорией и практикой ленинизма. Но почему именно мы этот опыт обобщили и превратили в дело? Потому что над нами не было гипноза могущественной буржуазной культуры. В этом было наше революционное преимущество. Наша буржуазия была таким жалким историческим последствием, что все большое, все крупное во всех классах за последние десятилетия тяготело не к буржуазии, а к трудящимся. Чернышевский был не с буржуазией, а с крестьянством и с рабочим классом, поскольку его отличали от крестьянства. Величайший человек, созданный новой историей — Ленин, возглавил у нас не мелкобуржуазных яковинцев, как было бы с ним, если бы он родился в XVIII столетии во Франции, а революционный пролетариат. Таким образом, исторически запоздалый, жалкий, выморочный характер нашей буржуазии обусловил большую независимость и отвагу, большую широту размаха авангарда рабочего класса. Но когда, благодаря этому, мы оказались первыми у власти и просмотрели наследство, которое мы получили от царизма и побежденной буржуазии, то оказалось, что наследство это в высшей степени скудное. Конечно, мы и раньше знали, до революции, что наша страна отсталая, но практически мы это прощупали как следует быть только после завоевания власти, после Октября. А как обстоит на этот счет дело в Европе? В Европе пролетариату

несравненно труднее притти к власти, ибо враг сильнее, но, когда он придет к власти, ему будет несравненно легче строить социализм, ибо он получит гораздо большее наследство. Большая культура, более высокая техника,—они в конце-концов скажутся. Если мы раньше пришли к власти, чем английский пролетариат, то этим еще вовсе не сказано, что мы раньше придем к полному социализму, а тем более к коммунизму, чем английский пролетариат. Нет, в плоскости политики мы, благодаря историческим особенностям нашего развития, опередили рабочий класс всех других стран, но уперлись затем в собственную культурную отсталость и вынуждены двигаться вперед медленно, по вершочкам. Когда английские рабочие придут к подлинной власти, не в виде меньшевистского правительства Макдональда, а к диктатуре пролетариата? Будет ли это через 5 лет или через 10 лет, предсказывать трудно. Ну, а сколько нам еще нужно времени для того, чтобы обучить все население грамоте и обеспечить его книгой и газетой? У нас неграмотного взрослого населения в европейской части нашего Союза значительно больше половины, кажется, около 57%. Я вот недавно читал, что в Москве 20% неграмотного взрослого населения, значит— $\frac{1}{5}$ часть. Будем об этом помнить твердо! У нас в Москве заседает сейчас,—и в этом наша гордость!—5-й Конгресс Коммунистического Интернационала, приезжают к нам лучшие борцы всего мира учиться,—и есть чему учиться в школе Ленина!—а в то же время идешь по московской улице, видишь: 5 человек прошло, и говоришь

себе: в среднем один среди них безграмотный. Вот она наша революция со всеми своими противоречиями! Можно выразиться образно так. У европейского пролетариата под ногами почва культурная, ну, скажем, асфальт сплошной. Но хозяин европейской улицы—буржуазия. Она проводит на этом асфальте мелом черту (буржуазная законность!) и говорит: вот здесь имеешь право ходить, а здесь нельзя. И там, где нельзя, это раз в 90 или в 99 больше, чем там, где можно. Ничего не поделаешь: у нее власть, своя рука—владыка. Кроме того, у рабочего класса капиталистических стран и ноги-то изрядно связаны (полиция, суды, тюрьмы), чтобы не перешел запретной черты. Итак: под ногами—асфальт, но ноги связаны, и пути заказаны. Мы в этом смысле свободны. Власть у нас в руках рабочего класса. Нет такой меры в интересах трудящихся, в области ли хозяйства или культуры, нет такой меры, которой мы не смели бы провести. Мы все смеем. Над нами хозяина нет. Упираемся мы только в отсталость и недостаток средств. Ноги у нас свободны, не связаны; мелом нам дороги никто не предписывает, но под ногами у нас не асфальт, а проселок, да еще пересеченный оврагами и лужами. Ясное дело, что скорость нашего пути в первые годы не может быть большой. Работа наша должна быть архипорной. А тем временем, глядишь, и английский пролетариат ноги-то себе развязал. Раз он буржуазию сбросил, пути ему открыты. А под ногами у него асфальт. Поэтому лет через 15—20,—конечно, сроки я называю лишь примерные,—этот самый английский пролетариат, консер-

ватизм которого мы ныне браним столь часто и вполне основательно,—глядишь, он нас в области социалистического строительства опередил. Мы, конечно, в обиде несколько не будем. Сделайте ваше одолжение, опережайте, мы давно дожждаемся, и вы и мы только выиграем. (Смех. Аплодисменты). Я, тт., говорю об этом уже, конечно, не затем, чтобы обескураживать вас и самого себя громадностью задач, которые стоят перед нами, а для того, чтобы методом ленинизма об'яснить противоречия между нашими политическими достижениями и нашими сегодняшними культурно-хозяйственными возможностями. Понять эти противоречия, значит найти путь к их устранению. Будем помнить, что в ленинизме знание есть всегда кратчайший путь к умению.

Противоречия между лозунгами и реальными возможностями мы нащупываем сплошь и рядом, на каждом шагу. Но путь наш не в отказе от лозунгов, т.-е. от принципиальных задач, вытекающих из Октября, а в систематическом, упорном, неутомимом расширении наших хозяйственно-культурных возможностей. Наша бедность диктует нам в области культурной работы строго деловой, хозяйственный, расчетливый, почти что спартанский подход: экономия, строгий отбор, целесообразность.

Это относится, в первую голову, к газете и книге. Возьмем юбилейную выставку Госиздата. Когда я посетил ее, я по чистой совести мог сказать: есть что похвалить, успехи сделаны большие за эти 5 лет! Если взять книжку 18 года, нередко случайную, по содержанию, наспех написанную, кое-как напеча-

таинную, на серой бумаге, с огромным количеством опечаток, не сброшированную, не шитую и т. д. и для сравнения взять на выбор одну из сегодняшних книг, куда более тщательно сработанных, сплошь да рядом в кокетливой обложке, непременно литографской, а не типографской (пожалуй, уж роскошь!), то прогресс обнаружится огромный. Но все это, однако, можно назвать только гаммами, экзерсисами, упражнениями, а не настоящей игрой на издательском инструменте. И, надо надеяться, Госиздат сам это понимает. Тираж книги у нас пока еще совершенно ничтожен по сравнению с потребностями страны. Отбора книги, безусловно и абсолютно нужной нам, мы еще произвести не успели. Нам здесь нужно держать основной наш курс не столько на большое количество названий, сколько на большой тираж минимума книг, безусловно необходимых для читателя, которого мы имеем в виду. Эти книги нужно создать или выделить из числа уже созданных. Произвести такой отбор—это огромная работа, которую можно совершить только коллективно, опираясь на опыт школ, курсов, библиотек, исправляя и улучшая наличные книги, пред'являя спрос на такие улучшения или дополнения... Тираж нашей основной книги, т.-е. такой, которая особенно нужна рабоче-крестьянской республике, должен быть соответственный: 100.000, 500.000, 1.000.000, а затем все более и более. Этот тираж и будет лучшим мерилем успехов нашей культурной работы.

Мы печатаем, если я не ошибаюсь, пока лишь около 3 миллионов экз. газет в день, считая все наши газеты,—величина совершенно ничтожная по

сравнению с нашими гигантскими задачами и даже с наличными потребностями страны. И вот здесь государственный, централизованный подход — при условии активности мест — может оказать огромную услугу делу правильного отбора и распределения необходимой для трудящихся масс газеты и книги. Нужно при этом ни на минуту не забывать свойств нашего массового читателя: у него нет еще читательского знания и умения, — знания, какая книга ему нужна, умения эту книгу найти. А так как наш читатель не умеет найти свою книгу, то наша книга должна уметь найти своего читателя. Это задача библиотекаря! В центре просветительной работы нам придется надолго еще поставить газету, как потому, что мы еще не можем отказаться и долго не сможем отказаться от потребности в политической ориентировке, ибо мы окружены капиталистическими странами, и пролетарская революция еще вся впереди, — так и потому, что в данной обстановке, в данных культурных условиях, при данных ресурсах, газета является наиболее нам доступным и наиболее широко захватывающим просветительным орудием вообще. Вокруг газеты можно и должно строить целую систему культурно-политического, воспитательного и просветительного воздействия. Газета, конечно, не как орган, рассказывающий о том, о сем, а газета, как рабочий инструмент просвещения; как орудие знания и умения, как непосредственное, повседневное практическое выражение ленинизма в политическом и хозяйственно-воспитательном действии. Такими стремятся быть наши газеты. Этим они еще далеко не являются. Этим

они должны стать. Этим они могут стать, только опираясь на десятки тысяч, а впоследствии и на сотни тысяч библиотек, читален, «изб» и прочих культурно-просветительных ячеек на местах, которые не только воспринимают газету сверху вниз, но и учатся и умеют напирать на газету снизу вверх. Это очень большая и важная задача. Но для этого необходимо газету поставить так, чтобы она была подлинным орудием повседневного или хотя бы еженедельного (в ближайшее время) воздействия, инструментом согласованных просветительных усилий.

Подойдем к вопросу поближе. Сейчас у нас выдвигается на переднее место в культурно-просветительной работе, — я говорю о деревне, — изба-читальня. Если в центре «избы» должна быть поставлена газета, то на стене этой избы должна быть политическая карта. Без этого газета—не газета. Пропаганду в пользу политико-географических карт я веду уже давно, но пока еще с недостаточным успехом. Может быть, библиотечный съезд поддержит мою инициативу в этом направлении (аплодисменты). Т.е., газета не только для крестьянина, но и для рабочего или работницы слепа, когда географические термины представляют для них только звук, когда они не знают и не представляют себе и не думали о том, как себе представить размеры и взаимное расположение Франции, Англии, Германии, Америки. Разумеется, можно подбодрить или побудить деревенский комсомол или сельский сход пропеть «Интернационал» и послать приветствие 5-му Конгрессу Коминтерна. Это мы делаем великолепно,

почти автоматически (смех). Но, товарищи, надо, чтобы крестьянин и рабочий, которые посылают привет, по возможности конкретно представляли себе: что это за Коминтерн, от каких стран, где эти страны, хоть немного, хоть на-глаз. Надо, чтобы, читая или слушая телеграмму, они представляли себе, к какой живой части нашей планеты эта телеграмма относится. И если изо дня в день или пока хоть раз в неделю в этой самой избе-библиотеке при чтении, при раз'яснении газеты, библиотекарь или «избач» (так как теперь это чудное слово вошло в обиход, то ничего не поделаешь, придется его так и записать в свой словарь), если, говорю, он потычет в карту пальцем, об'ясняя телеграмму, он будет уж этим одним делать подлинно культурное дело, ибо телеграмма эта, с показом на карте, сядет уже в мозгу совсем иначе, прочнее, увереннее. Ведь, это целая эпоха в личном развитии читателя, когда он начинает представлять себе, что такое Англия,— это, мол, остров, от Европы отделенный,—ему тогда сразу станут понятнее торговые и политические отношения Англии, определяющиеся ее мировым положением. Впрочем, извиняюсь, вам-то не нужно говорить о пользе географии, но должен сказать, что кое-каким нашим учреждениям, может-быть, не бесполезно это повторить (смех). Тут нужен напор и напор. Я бы не хотел, однако, быть ложно понятым. Я ни в каком случае не хотел бы односторонне валить ответственность на Госиздат. У нас и Госиздат и все другие издательства теперь на хозрасчете, т.-е. издают то, что может иметь в данных условиях спрос, и здесь обнаруженная воля потреби-

теля играет немалую роль. А потребитель — это библиотека, читальня. Можно отказаться от десятка книжек, которые иногда разными словами, и при том довольно неряшливо, рассказывают одно и то же. Таких неряшливых книжек на тему дня у нас появляется неведомое количество. Можно вполне отказаться от них, при условии строгого отбора, в пользу географической карты, которая, будучи повешена на стене, висит и учит в течение ряда месяцев, а может быть, и лет. Я справлялся, например, перед этим докладом везде, где можно, есть ли у нас с п р а в о ч н и к п о г а з е т е, справочник, который способен помочь разобраться в газете. Оказалось, что нет такового. Я не знаю, была ли у вас на с'езде об этом речь. А вопрос заслуживает внимания. Мне прислали ряд периодических изданий, где есть отдельные статейки о том, как пользоваться газетой. Некоторые из них очень полезны для руководителей этого дела, но это совсем не то, что я имею в виду, — это общие методологические указания, — но делового справочника, который можно было бы в этой самой «избе» или библиотеке положить под картой на століке, где лежат газеты, справочника, который давал бы основные географические, экономические, статистические и иные указания, отчетливо выраженные и доступные всякому грамотному читателю, — такового справочника нет. Что это значит? Это значит, тт. библиотекари, что вами не организовано еще давление читателя снизу на писателя и на издателя.

Тт., у нас просветительная работа монополизована в руках государства и его руководительницы —

коммунистической партии. Может ли быть иначе? В условиях революции, в условиях диктатуры пролетариата всякое отступление от монополии просвещения трудящихся масс было бы гибелью (аплодисменты). В то время, как буржуазия, располагающая могущественными средствами во всем мире, беспощадно удаляет каждого отдельного учителя-коммуниста, мы, руководители единственного в мире рабочего государства, окруженного врагами, были бы просто слепцами или юродивыми, если бы открыли доступ к просветительной работе представителям буржуазного мирозерцания. Монополию просветительной работы мы закрепим полностью и безусловно до того времени, когда рабочий класс и крестьянство вместе со своей руководительницей—коммунистической партией растворятся в социалистическом обществе, составляющем часть мировой советской республики, чего завтра еще не будет, но что будет послезавтра или после послезавтра. А до того времени монополию как власти, так и просветительной работы, которая есть идейная основа власти, нужно сохранить в руках рабочего государства и его руководительницы—коммунистической партии (аплодисменты). Но в то же время, т. е., мы—достаточно трезвые политики, чтобы знать и понимать, что монополия просвещения имеет свои минусы, свои отрицательные стороны, свои опасности. Монополия просвещения, при неправильной постановке, способна порождать казенщину, рутину. В чем признак казенщины? В том, что это форма без содержания. В чем опасность ее? В том, что жизнь направляется в обход ее. Как парализовать опасность казенщины?

1068532

ср
12074

БИБЛ	14
И-та маркс	403214
при ЦК	10

Организованным и всегда живым давлением потребителя просвещения, т.-е. низов. И вот здесь роль библиотекаря, роль руководителя «избы», вообще роль низовых работников в области культуры является решающей. Тут сверху мы ведем пропаганду в пользу географических карт, а их не дают. Почему? Потому что не требуют. А если с низов, из тысячи, двух тысяч, трех тысяч библиотек и «изб» раздастся крик: «Дашь карту!» — Госиздат даст (аплодисменты) и даст по сходной цене. Это относится и к книге. Все ли книги, которые мы издаем, жизненны и нужны, как хлеб? Я уж говорил об этом: только одна десятая нужна безусловно. Почему это? Потому, что наша издательская работа в огромной степени еще идет по линии старой инерции, старых интересов, старой психологии, старых навыков, старого читателя, а до настоящего массового читателя мы еле-еле добираемся. Опять-таки по нашей несовершенной статистике выходит, что на одного грамотного крестьянина в библиотеках (если я ошибаюсь, меня поправят те, которые лучше дело знают) приходится чуть ли не $\frac{3}{4}$ книги, — $\frac{3}{4}$ книги на одного грамотного крестьянина в библиотеках!

Н. К. Кру п с к а я. Меньше.

Т р о ц к и й. Извиняюсь в таком случае за свою чрезмерно оптимистическую статистику. Совершенно ясно, что при таком положении дел отобрать из десятка книжек, где девять более или менее нужны, — притом скорее менее, чем более, — отобрать одну, лучшую и наиболее нужную, и издать ее в удешаженном количестве экземпляров — это уже само по себе означает огромное культурное

завоевание. Почему? Потому что 10 книжек, примерно однородных или близких друг к другу или представляющих лишь некоторые второстепенные оттенки, будут прочитаны или только перелистаны одним и тем же читателем, который, с позволения сказать, обожрался этой самой литературой. А если вместо этих десяти разных книжек издать одну, но удесятерить тираж, то она дойдет до такого читателя, который испытывает подлинный голод и подлинную жажду в чтении и знании. Но и здесь, как говорится, мертвый хватает живого. Из этой инерции издательской работы очень трудно вытащить себя самих за волосы. Подслушать массу, подслушать, что она думает, чего она хочет, понять все это, перескочивши мысль через всех тех, которые бюрократически думают за массу, но не прислушиваются к ней,—на это нужна ленинская голова. Вы теперь имеете возможность прочесть все, что писал Ленин. Советую вам,—это очень полезно!—специально отчеркнуть в этих книгах те места, где он подслушивал массу, чего она хочет, что ей нужно,—не только, чего она хочет, но чего не научилась еще хотеть... Уметь подслушивать все индивидуальным ухом — это дано людям, которые рождаются раз в века. Но организованно, коллективно подслушивать массу можно через большой разветвленный, гибкий и живой аппарат, который активно обслуживает материальные и духовные потребности массы,—и тот библиотечный работник не есть библиотечный работник социалистической страны, кто просто заведует полкой с книгами, если он при этом не подслушивает запросов своего читателя и не является органом

для передачи того, что подслушал, наверх—для давления на писателя и на издателя. Это есть важнейшая работа нового советского социалистического библиотечного работника. (Аплодисменты).

С намеченными задачами сочетаются, естественно, и многие другие. Основное противоречие нашего положения: власть в руках трудящихся, но трудящиеся еще далеко не овладели самой элементарной культурой. Отсюда противоречия. Равноправие мужчины и женщины у нас полное. Но для того, чтобы добраться женщине до тех реальных возможностей, какие имеет у нас даже теперь, при нашей бедности, мужчина, женщине нужно хотя бы уравниваться в грамотности с мужчиной. «Женский вопрос» у нас означает поэтому, прежде всего, борьбу с женской безграмотностью. Из-за низкой культурности многие декреты остаются на бумаге. Есть ли у нас произвол в стране? Есть, и в большом количестве. Из чего он вырастает? Не из условий классового господства, а из культурного бессилия, из неграмотности, из чувства незащитности, которое корнем своим имеет опять-таки неспособность разобраться, прочитать, пожаловаться, обратиться куда следует. И вот здесь опять-таки одной из основных задач той же самой деревенской избы-читальни и деревенской библиотеки является ведение беспощадной борьбы против этого чувства незащитности. Библиотекарию можно и должно пожаловаться. Я нашел на этот счет интересную цитату у Владимира Ильича: он предлагал при библиотеке заводить бюро жалоб. На первый взгляд это кажется парадоксом, как бы не у места, а между тем и здесь подслушана пси-

хология трудящихся масс. Кто из крестьян, из рабочих пробудился настолько, что его тянет к библиотеке, для того библиотека есть источник чего-то более высокого—и познания, и справедливости. Устройте при библиотеке бюро жалоб, создайте обстановку, при которой каждый крестьянин или крестьянка, и в первую голову тот или та, кто боится советского чиновника, считали бы, что к библиотечарю, к «избачу» можно пойти, он не подведет, не напакостит, а посоветует, или в газете напишет, огласит, защитит. Убить чувство беззащитности в придавленном веками трудовом рабочем человеке значит тем самым убить производ, а производ, разумеется, несовместим с тем режимом, который мы строим и который еще далеко не достроили.

В этой своей работе библиотека стянет к себе все лучшие силы деревни, на них будет опираться, через них проводить свое влияние. В связи с этим я хотел бы особо просить библиотечных работников обратить большое внимание на демобилизованных красноармейцев. Они могут стать в деревне носителями коллективных форм хозяйства и проводниками культурной работы, при условии, если будет центр, вокруг которого они будут группироваться. Сейчас наша деревня переживает очень сложные и глубокие процессы, которые имеют огромное хозяйственное и культурное значение. Она расслояется, в деревне снова появляется и быстро появляется слой кулачества. И надо ясно понять одно, именно то, что каждый передовой крестьянин, активный, грамотный, знающий, что такое Советская власть, способный разбираться в законах, послушавший

агрономические лекции, посетивший сельско-хозяйственную выставку,—всякий такой крестьянин может стать в деревне одним из двух: либо носителем социалистической культуры, либо кулаком. Ибо что такое кулак? Кулак—это, в большинстве случаев, способный, умелый, крепкий крестьянин, который всю свою силу полагает на то, чтобы поднять свое индивидуальное хозяйство за счет других хозяйств. И наши демобилизованные красноармейцы, представляющие сейчас в массе своей лучшие элементы крестьянства и способные сгруппироваться вокруг школы, вокруг кооперации, вокруг библиотеки, они же способны выделить из себя нового европеизированного кулака. Почему? Потому, что они грамотные, — грамоте мы их в армии научили, если они были неграмотными,—они привыкли читать газеты, они знают адреса советских учреждений, они знают законы, они знают, что такое коммунистическая партия,—словом это не серые, темные крестьяне, хотя бы они и были родом из самых отдаленных углов, они в армии слушали агрономические лекции, посещали образцовые сельские хозяйства при наших учебных с.-х. заведениях и пр. И если бы они оказались в деревне предоставленными самим себе, тогда они все эти накопленные преимущества направляли бы по руслу своего лишь собственного хозяйства, собственной прибыли, а это значит, что, незаметно для себя, они в 2—3 года могут обернуться европеизированными кулаками. Это реальная опасность. А между тем этот же молодой, более культурный крестьянин, если его притянуть к работе на первых же порах по возвращении из армии, ока-

жется готов и способен направить всю свою энергию по артельно-кооперативному руслу, и он станет неоценимым общественным работником.

Поскольку я затронул красноармейцев, прибавлю: если мы вам отпускаем красноармейцев, на которых вы в вашей культурной работе можете опереться, то и мы ждем от вас, культурных работников в деревне, нового, более культурного и более квалифицированного молодняка для армии. Вы знаете, что мы армию все больше и больше переводим на милиционные рельсы. Этим самым мы прежде всего сокращаем нашу долю в бюджете, а чем меньшая часть его будет поглощаться армией, тем большие средства можно и должно будет выделить на культурно-просветительную работу. Но и здесь: услуга за услугу. Вы должны давать нам более грамотный и развитый деревенский молодняк. Ибо милиционная система предполагает более восприимчивого красноармейца, который, пройдя через допризывную подготовку, затем в течение одних только учебных и повторительных сборов должен овладеть всеми элементами военного дела—нисколько не хуже, чем солдат, прошедший длительную казарменную выучку. Библиотекарь, «избач» являются видными участниками в строительстве Красной армии.

В заключение позвольте еще раз вернуться к газете, этому важнейшему орудию политического воспитания. Я взял сегодняшние «Известия», просмотрел телеграммы и спросил себя под углом зрения задач настоящего с'езда: как эти телеграммы понимаются читателем-массовиком, объясняются ли они, истолковываются ли, как их воспринимает

крестьянин? С точки зрения нашего международного положения, вопрос о Польше и вопрос о Румынии представляют, как вы знаете, исключительный интерес. Я остановился поэтому на двух телеграммах сегодняшнего номера, касающихся как-раз этих стран. Телеграмма из Варшавы говорит, что «маршалк сейма не принял интерпелляции Украинского клуба, потому что часть этой интерпелляции была написана на украинском языке». Я не говорю о замысловатом построении самой телеграммы,—на этот счет я веду с Ростой и с редакциями длительную гражданскую войну (смех). Не могу, однако, скрыть опасения, что эта телеграмма напечатана в таком же невразумительном виде во всех газетах, думаю, что не только грамотный крестьянин ее в таком виде не поймет,—не поймет, пожалуй, и «избач». Ибо он не знает, кто такой этот «маршалк», а ему надо разъяснить, что это председатель сейма, т. е. парламента, и что он не принял интерпелляции (запроса) потому только, что часть этого документа написана на украинском языке. Допустим, что мы с вами в избечитальне, перед нами висит карта, где обозначена Польша. Каждому можно показать, что Польша примыкает к нашей границе и отрезает нас от Германии. При карте есть справочник, и в справочнике сказано, сколько в Польше украинцев, сколько вообще национальных меньшинств, и крестьянин узнает, что в Польше национальные меньшинства составляют чуть ли не половину населения—около 45%. Если ему теперь сказать, что в Польше украинцы подали заявление в свой «демократический» парламент при чем часть заявления написали «по украински», т. е.

на своем родном языке, и что демократический председатель демократического парламента демократической республики отказался по этой причине принять заявление, то мы сразу обогатим слушателя ярким представлением о Польше. Лучшей агитационной речи не нужно, как толковое и спокойное объяснение этих четырех замысловатых строчек телеграммы. Затем следует телеграмма, касающаяся Румынии. Тут читаем: «Фактически в Бессарабии почти все школы национальных меньшинств закрыты. В Буковине уничтожены все школы не только смешанные, но и украинские». Как видим, и эта телеграмма касается национального гнета. В каждом номере бывают телеграммы, характеризующие классовый или национальный гнет в капиталистических странах, сопротивление угнетенных и пр. Все это — неоценимая школа, особенно для молодняка. Вокруг этих телеграмм, как вокруг стержня, можно построить великолепную воспитательную работу. Но нужны толковые разъяснения, чтобы этот драгоценнейший материал на $\frac{9}{10}$ не проходил бесследно для 0,99 грамотного населения нашей страны. Нужны справочники, пособия. Их почти нет. В то же время мы печатаем многочисленные речи и доклады примерно на одни и те же темы, они попадают к тем, кто в общем и целом и без того знает, о чем идет в них речь. В этой области необходим серьезный сдвиг. Книга должна пойти в народ.

Представим себе, что у нас 50 тысяч изб-читален, а потом и сто тысяч, и в каждой избе есть газета. Не три, и не пять газет, как мы, советские чиновники, привыкли читать, а одна газета, где ясно

и точно изложены важнейшие сообщения. На стене висит карта, на ней видны все государства, и есть справочники, где обозначено население всех стран, национальный и классовый состав, и т. д. «Избач», получив свежую газету, вооружается справочником и раз'ясняет новости перед картой, привлекая к этому делу как можно больше народу, и в первую голову—демобилизованных красноармейцев. Такая изба-читальня явится незаменимой школой ленинизма, она воспитает в деревне граждан, научив их ориентироваться в международной обстановке—для того, чтобы они могли сознательно воздействовать на нее в случае нужды, может-быть, и с оружием в руках. Мы должны прежде всего воспитать таких библиотекарей, заведующих читальнями, «избачей» и тесно связать эти разбросанные очаги культуры с центром. Это возможно, это осуществимо, и это будет осуществлено. Только тогда наше культурное строительство создаст себе необходимые рычаги на местах. Только тогда Октябрьская революция раскроет перед массами все свое творческое содержание. Скоро ли это будет? Это, конечно, зависит и от объективных причин, но не в малой степени также и от нашего умения. У нас есть дьявольский враг, который называется волокитой. Этот враг, отражая, в свою очередь, нашу некультурность, требует, однако, самостоятельной борьбы с ним. Мы теперь заводим вол-избы, вол библиотеки, вол-организаторов. Это прекрасно. Давайте же, эти вол-библиотеки, вол-избы и вол-организаторов мобилизуем на борьбу с вол-окитой. (Аплодисменты). Я не сомневаюсь, тт., вы поняли, что я говорю не о какой-то волостной оките

(смех), а о нашей всероссийской и всесоюзной волоките—будь она неладна (смех). Еще об одном вопросе. Сегодня в той же газете я прочитал телеграфное сообщение о том, что в Тифлисе Зак-кино вручено за постановку «Красных дьяволят» красное знамя. Разумеется, ничего нет плохого в том, что хотят отметить хорошую работу кино. Наоборот, это прекрасно. Кино есть могучее орудие, и когда мы добьемся того, что на местах, в вол-избах будут у нас вол-кино, то это будет означать, что нам до социализма уже недалеко, ибо лучшего союзника в нашем строительстве, чем каким может явиться кино, и представить себе нельзя. Но я не об этом хотел сказать, а о том, как мы беспомощно выражаем приветствия и отмечаем заслуги: всегда преподносятся красное знамя. У нас теперь пошло множество юбилеев: по случаю и двух лет, и трех лет, и пяти лет, и почти в каждом случае подносится красное знамя. Зачем это и к чему? Если подсчитаем, сколько уходит средств на поднесение красных знамен, то окажется, что много. А что если такой ключ кликнем: давайте при всяких юбилеях, которых у нас малость перепроизводство, не подносить красных знамен, а ассигновывать те же средства на приобретение книг в волостной библиотечный фонд. На каждой книге, которая будет на эти средства приобретаться и посылаться в волостную библиотеку, будем на переплете (непреренно книги в переплете) ставить штемпель, что эта книга приобретается в ознаменование заслуг хотя бы того самого Закавказского кино по постановке «Красных дьяволят» или по какому-либо другому поводу. Мне ка-

жется, такой порядок будет лучше, содержательнее, культурнее.

Конечно, знамена, как символ революционной борьбы, необходимы, но вводить подношение знамен, как рутину, как нечто обязательное и в то же время ни для кого ненужное, это смешно и вредно. Отчего бы библиотекарям не поднять голос, а газетчикам не поддержать: «Давайте в дальнейшем отмечать все успехи, или воспоминания об успехах, или воспоминания о крупных неудачах расширением ресурсов на культурно-просветительную работу в деревне». Поставим в центре внимания эту самую вол-избу, — ей книжка нужна, справочник нужен, географическая карта нужна, классики нужны, книга Ленина нужна. Вот это ей и дадим. И на каждой такой книге поставим соответствующий штемпель. Это и для читателя будет вместе с тем некоторым уроком по советской истории...

Товарищи, если ваш съезд даст по разным направлениям такие живительные толчки нашему, склонному застаиваться общественному мнению центра, то уже этим одним съезд выполнит серьезную и хорошую работу. Надо во что бы то ни стало доконать те навыки и традиции крепостничества и интеллигентского барства, которые выражены в словах нашего старого сатирика: «писатель пописывает, а читатель почитывает». Нет, писатель, издатель, библиотекарь и читатель должны у нас идти в одной упряжке. И достигнуто это может быть только организованным давлением снизу, контролем сверху, проверкой и отбором. Нужно, чтобы читатель стал смелее, требовательнее, активнее. Научить его этому должен

библиотекарь. Надо научить читателя не только претерпевать то, что для него пишут, но и требовать, чтобы ему давали то, что ему нужно, и обругать редактора,—конечно, вежливо (мех),—когда он дает не то, что нужно. Вы, товарищи, являетесь посредниками, рычагами, агентами этого творческого взаимодействия верхов и низов. Да здравствуют же активные посредники, ценнейшие рычаги в системе советской культуры! (Продолжительные аплодисменты).

Ответы на записки.

№ 1.

«Стоило ли производить революцию у нас, если английскому пролетариату придется, все равно, нас вести на буксире лет через пятнадцать?».

Из этого вопроса я вижу, что автор записки плохо понял мою мысль, а может-быть, и я недостаточно отчетливо раз'яснил ее.

1) Если бы революция не произошла в 1917 году, то мы были бы европейской, или, верней, американской колонией, и европейскому пролетариату, действительно, пришлось бы нас тогда вытаскивать из рабского положения на буксире.

2) Английский пролетариат обгонит нас в деле социалистического строительства лишь после того, как завоюет власть, а завоевать ее он сможет только с бою, т. е. путем революции, как и мы.

3) Наша революция, как важнейший исторический факт, чрезвычайно облегчит английскому пролетариату пришествие к власти и социалистическое строи-

тельство. На поверхностный взгляд кажется, что это не так, в виду того, что надежды на быстрое революционное развитие в Европе не оправдались. Но достаточно вдуматься в вопрос, чтобы понять, что без нашей революции движение на Западе развиглось бы несравненно медленнее.

4) Возьмет ли нас английский пролетариат на буксир, когда и как возьмет, — это предсказывать трудно. Но что это значит: взять на буксир? В данном случае это значит, что английский пролетариат, придя к власти и экспроприровав буржуазию, ускорит своей организационной, технической и всякой иной помощью наше социалистическое строительство. Помощь эта, конечно, будет не филантропической, так как мы обеспечим социалистическое строительство в Англии нашим хлебом, лесом и другим сырьем. Мог ли бы английский пролетариат взять нас «на буксир», если бы мы жили в буржуазных условиях? Разумеется, нет. Таким образом, сомнения автора записки насчет того, стоило ли совершать революцию, свидетельствуют о том, что он не продумал самых основ вопроса.

№ 2.

«Не может ли случиться так, что мы все же опередим европейских рабочих не только в деле революции, но и в деле строительства социалистической культуры?». Конечно, это не исключено. Если нынешний европейский порядок, когда буржуазия уже неспособна справляться с делами, а пролетариат еще неспособен взять власть, затянется надолго; если на этом пути буржуазия доведет Европу до новой войны, в которой еще больше обескровит европейскую экономику и

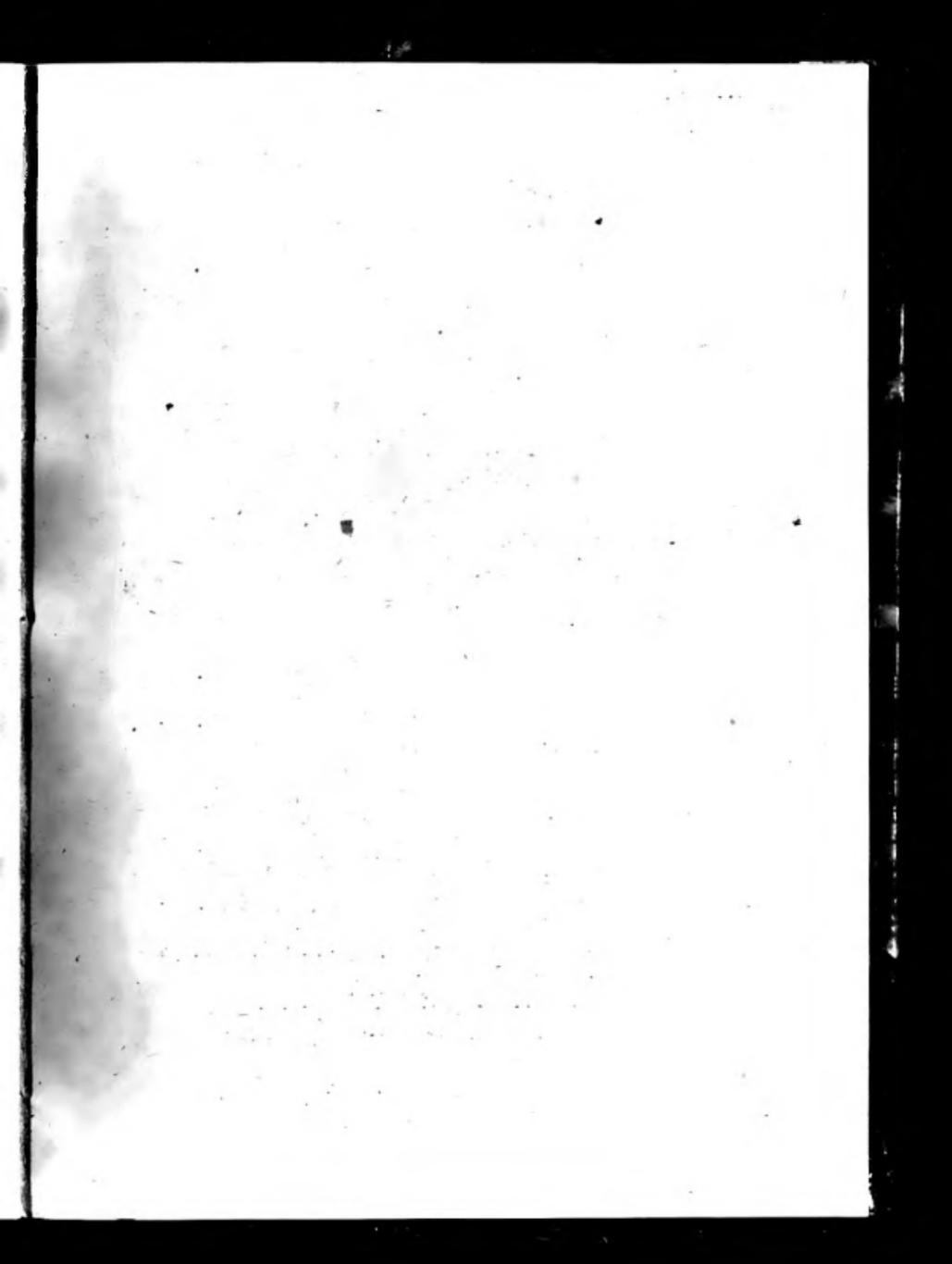
культуру, — теоретически говоря, не исключена возможность, что мы достигнем очень высоких хозяйственных и культурных достижений, прежде чем пролетариат Запада овладеет властью и встанет на путь социалистического строительства. Такого рода перспектива предполагает, следовательно, крайнюю медленность революционного развития остальной Европы, при успешности нашей хозяйственной и культурной работы. Однако, ничто не заставляет нас думать, что европейская революция отодвинута на долгие и долгие годы. Если же она наступит, скажем для примера, в течение ближайшего десятилетия, то все говорит за то, что, преодолев сопротивление своей буржуазии, европейский пролетариат обгонит нас на путях создания нового общественного строя и новой культуры. Но, конечно, и мы приложим все силы к тому, чтобы не отстать.

№ 3.

«Почему же у нас так безобразно поставлена работа с печатанием телеграмм»? Формулировка вопроса чрезмерно строгая. Кое-какие успехи в области телеграфной информации нами сделаны. Но в общем и целом телеграфная информация еще, действительно, слаба. В чем это выражается? Во многом: во-первых, в том, что корреpondенты, в силу старых навыков и привычек, сообщают сплошь да рядом то, что не заслуживает большого внимания; во-вторых, по этой же самой причине, не замечают того, что, наоборот, должно бы в первую голову интересовать нашу печать; в-третьих, в сообщаемых сведениях нет необходимой связи и преемственности; в-четвертых, телеграммы

печатаются в том виде, как получаются, т. е. сплошь да рядом в чрезвычайно неудобоваримом виде. Чем все это вызывается? Все теми же причинами, о которых мы говорили в докладе: недостаточным развитием общей культуры и в частности — газетной. А газетное дело имеет свою особую область знания и умения, т. е. культуры. Как бороться против перечисленных недочетов? теми же методами, о которых мы говорили в докладе: давлением читателя или, по крайней мере, посредника между читателем и газетчиком, в данном случае активного библиотекаря, руководителя читальни. Нужно проверять телеграфную информацию непосредственно на ее потребителя, — на низовом читателе. Телеграммы будут преподноситься в плохом виде до тех пор, пока их правильно читают только верхушки, которые так или иначе поймут, что в телеграмме сказано, а когда через библиотеки и читальни мы приучим широкие круги трудящихся к повседневному чтению или слушанию газет, тогда газетчику, даже и самому консервативному и ленивому, придется подчиниться напору читательских требований и протестов. Дело библиотекарей эти требования и протесты организовать.

Цена 8 н.

1р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Водовиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженского пер.).

ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов—„Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

